

На правах рукописи

КРАСНОВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА

**СОЧИНТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ДИНАМИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ
ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В ИДИОСТИЛЕ В.М. ШУКШИНА
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

CAMAPA – 2011

Работа выполнена на кафедре русского языка, культуры речи и методики их преподавания ФГБОУ ВПО «Поволжская государственная социально-гуманитарная академия»

Научный руководитель: **Бакалова Зинаида Николаевна,**
кандидат филологических наук, доцент

Официальные оппоненты: **Орехова Наталья Николаевна**
доктор филологических наук, профессор

Сагирян Инга Григорьевна,
кандидат филологических наук, доцент

Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Пермский государствен-
ный педагогический университет»**

Защита состоится «13» декабря 2011 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.275.07 при ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корпус 2, ауд. 221.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», с авторефератом – на сайте УдГУ: www.lib.udsu.ru.

Автореферат разослан « » _____ 2011 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук, доцент

Н.Г.Медведева

Общая характеристика работы

Настоящее исследование выполнено в русле работ антропоцентрического функционально-коммуникативного подхода к анализу произведений словесно-художественного творчества.

Сочинительные конструкции русского языка многократно становились предметом исследований отечественных лингвистов. Однако анализу подвергался главным образом языковой аспект сочинительных союзов и употреблений с ними: их лингвистическая сущность и семантика [И.А. Попова, Е.И. Диброва, Ю.И. Леденев, А.Ф. Прияткина, Р.П. Рогожникова и др.], системная организация сложносочиненных предложений и их синонимия [Н.Н. Холодов, З.Н. Бакалова], специфика однородных членов предложений, связанных союзами [Н.М. Киселева, Н.Н. Белоконева, К.Я. Сигал], сочинительные союзы в сложном синтаксическом целом [Н.В. Малычева].

Несмотря на явно активизирующийся в настоящее время интерес лингвистов к тексту, работы, посвященные речевому аспекту сочинительных союзов, то есть особенностям их функционирования в русской речи, немногочисленны. Прежде всего это соответствующие параграфы монографии И.Н. Кручининой [1988] и монография З.Н. Бакаловой [2007], статьи Г.Ф. Гавриловой [1984, 1988] и Е.И. Костанди [1999, 2002], кандидатская диссертация С.И. Клецкой [2003]. Все они заложили основы функционально-коммуникативного направления исследования сочинительных конструкций в художественном тексте. Однако общая теория текстовых функций полностью еще не сложилась, результаты текстового анализа весьма разнородны и не представляют собой единой системы наблюдений над поведением сочинительных союзов в художественной речи, остаются недоуясненными некоторые актуальные аспекты, например дискурсивные закономерности функционирования союзов. **Актуальность** настоящего исследования, посвященного в первую очередь специфике художественной роли русских сочинительных структур в творчестве В.М. Шукшина, определяется недостаточной изученностью сочинительных конструкций в речевом, в частности в текстовом, плане и необходимостью дальнейшего изучения механизмов порождения текстовых смыслов языковых единиц. Ведь служебные слова передают отношения компонентов синтаксических единиц, что весьма значимо для интерпретации речи, в первую очередь – художественной. Тщательное и детальное изучение специфического функционирования языковых средств в произведениях словесного искусства, создания с их помощью художественных образов, воплощения авторских идей и оценок способно поднять исследование текста на качественно новый уровень,

открыть в литературных произведениях такие свойства и нюансы, которые остаются незамеченными при литературоведческом анализе.

Актуальность обращения к проблеме функционирования сочинительных конструкций в художественном тексте во многом объясняется также сменой научного мышления в языкознании и векторов лингвистических интересов. Традиционная системоцентрическая лингвистика на рубеже XX-XXI веков отходит на второй план из-за неабсолютной способности выявлять сущность языковых явлений. Ведущим становится функционально-коммуникативное направление исследования с его антропоцентрическим принципом, ставящим в центр внимания лингвистических изысканий человека. Именно человек создал язык для самого себя, прежде всего для общения и отражения действительности. Человек – центральная фигура в «языковом поле». Все высказывания личности обуславливаются определенными причинами и целями их употребления. Коммуникативное направление современной лингвистики изучает функции языковых единиц, т.е. их роль, назначение в речи, отвечая на прагматические вопросы: зачем понадобилось автору использование сочинительной или любой другой языковой конструкции, что он хочет сказать и какую отдачу он ожидает в ответ от своего собеседника?

Объектом работы являются сочинительные конструкции: простые предложения с однородными членами, сложносочиненные предложения и более крупные текстовые фрагменты: сложное синтаксическое целое, абзацы, зачины и концовки, скрепленные сочинительной связью как элементы композиции художественного произведения. **Предмет** диссертации – эти сочинительные конструкции в аспекте их текстовой роли в рассказах В.М. Шукшина.

Выбор рассказов в качестве **материала** для исследования обусловлен следующими обстоятельствами. Роль творчества В.М. Шукшина, одного из самобытных и талантливых художников слова XX столетия, в мировоззренческом и этическом воспитании, а также в формировании эстетических взглядов и вкусов нескольких читательских поколений высоко оценивается филологами. Разработка общей идеи и методики антропоцентрического анализа при последовательном и убедительном доказательстве и фактологическом показе сочинительных отношений с наибольшей надежностью осуществима на произведениях одного писателя. Только при этом условии можно максимально учитывать направляющую роль дискурса художественного произведения: пресуппозиций, вертикального и горизонтального контекста, а также влияния личности и интенций автора [К.Я. Сигал]. Сочинительные союзы у В.М. Шукшина являются одним из доминирующих синтаксических средств изображения жизни, видимо, в связи с тем, что они способны передавать разнообразные, нередко сугубо специфические синтаксические отношения. Это доминирование не только факт субъективного пристрастия писателя. Оно с очевидностью объясняется

наличием разговорной стихии в его новеллах¹, в которых герои – самые обыкновенные, простые люди показаны в беседах друг с другом: диалогах и полилогах. А сочинительные союзы – более легкое и более близкое к разговорному жанру синтаксическое средство, нежели союзы подчинительные. Под пером писателя свободно и непринужденно рождается целая палитра нюансов русского сочинения, которая возможна только в речи (не языке), поскольку связана с дискурсом художественного произведения. Язык рассказов В.М.Шукшина до сих пор не подвергался исследованию в русле особенностей функционирования сочинительных структур.

Цель нашего исследования – выявление коммуникативного назначения и «коммуникативной эффективности» сочинительных конструкций в динамическом процессе их функционирования в идиостиле В.М. Шукшина.

Задачи исследования состоят в следующем:

а) выявить роль сочинительных союзов как средств создания текстодвижения и монтажа текста, оформления композиции и достижения кинематографичности рассказов В.М.Шукшина;

б) охарактеризовать художественные функции сочинительных структур в реализации содержательных и эмоционально-оценочных аспектов новелл В.М. Шукшина, а именно:

– выяснить роль сочинительных союзов в качестве синтаксического стержня семантической структуры рассказов;

– проанализировать возможности сочинительных отношений в реализации идейно-тематического содержания, основных мотивов рассказов и в создании их художественных образов;

– выявить функции сочинительных конструкций в эмотивной сфере художественного пространства «малой прозы» В.М. Шукшина;

– эксплицировать подтекст новелл, созданный средствами сочинительной связи;

– описать лингвоперсонологические возможности сочинительных высказываний: их сущность и степень участия в личностной, гражданской и профессиональной характеристике самого автора рассказов;

в) установить соотношение двух основных аспектов (текстообразующего и художественно-эстетического) характеристики динамического процесса функционирования сочинительных союзов;

г) выявить системные текстовые механизмы динамического функционирования сочинительных конструкций, в результате которых

¹ Термины «новелла» и «рассказ» употребляются в качестве синонимов. По мнению исследователей творчества В.М.Шукшина, в основе его рассказов обычно лежит случай, раскрывающий характер главного героя, что является основной чертой рассказов новеллистического типа [ЛЭС, 317].

сочинительные структуры, оказываясь в сфере словесно-художественного творчества В.М. Шукшина, преобразуются в виде текстовых приращений и различного рода акцентировок, выявляя потенциально заложенные в языке возможности эстетического выражения;

д) разработать методику лингвопоэтического анализа сочинительных союзов, адекватную материалам и цели исследования.

Теоретическая значимость настоящей диссертации, на наш взгляд, заключается:

– в посильном вкладе в развитие и уточнение функционализма как одного из ведущих направлений современной лингвистической науки путем выявления возможностей коммуникативной предназначенности сочинительных конструкций в художественном стиле;

– в дальнейшем развитии лингвопоэтических методов исследования, раскрывающих пути и способы определения текстообразующей и эстетической роли служебных слов.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его материалы и результаты могут быть использованы в лекционных и практических курсах по современному русскому языку, стилистике, русской словесности, филологическому анализу текста, спецкурсах и спецсеминарах, а также при подготовке курсовых и дипломных работ.

Новизна диссертационной работы проявляется прежде всего в самом предмете исследования: в выборе сочинительных конструкций рассказов В.М. Шукшина для освоения их в антропоцентрическом функционально-коммуникативном ключе. В работе впервые:

– исследуются текстообразующие функции сочинительных конструкций в малой прозе В.М. Шукшина;

– выявляется содержательный аспект динамического процесса функционирования сочинительных союзов;

– сочинительные структуры представляются как один из способов художественного воздействия на читателя;

– проблемы выявления функций сочинительной связи решаются многоаспектно, в многообразии ее взаимосвязанных проявлений;

– в итоге такого анализа дается представление о речевом прагматическом потенциале сочинительной связи русского языка в художественных текстах;

– полученные результаты позволяют дополнить лингвистический «портрет» сочинительных союзов за счет выявления их изобразительно-выразительных возможностей и роли в текстодвижении.

Методологической и теоретической базой исследования является:

– опора на две действующие лингвистические парадигмы – традиционную структурно-семантическую и относительно новую, заявившую о себе в 70-х годах XX века антропоцентрическую, согласно которой в центр

всех теоретических предпосылок, в том числе и синтаксических, ставится фигура человека [работы Е.В. Падучевой, Е.В. Урысон, Т.М. Кальковой, А.А. Зализняк и др.]. Проявление антропоцентричности следует считать методологической философской основой, поскольку антропоцентризм лежит в основе ряда наук, а не только лингвистики;

– признание функционализма ведущим принципом современного языкознания, когда центральной проблемой лингвистических исследований является анализ функций языковых средств, их прагматического назначения [работы Е.С. Кубряковой, В.Б. Касевича, А.В. Бондарко, К.Я. Сигала, М.А. Шелякина, Н.К. Онипенко, Е.И. Костанди и др.];

– необходимость выявления обуславливающей и направляющей роли дискурса как совокупности фоновых знаний (пресуппозиций) и горизонтального контекста художественного произведения при анализе сочинительных конструкций, без чего невозможно до конца понять функциональную направленность употребления союзов в каждом конкретном случае.

Методика работы. Методами исследования послужили традиционный структурно-семантический анализ сочинительных конструкций, сопоставление языковых фактов, лингвистический эксперимент, текстовый и дискурсивный анализ, метод информационно-смыслового развертывания текста. Анализ речевого материала построен в основном в направлении от формы к значению и функциям синтаксических единиц: осмыслялась целесообразность использования того или иного средства для передачи определенных замыслов писателя.

Положения, выносимые на защиту:

а) сочинительные конструкции русского языка потенциально обладают мощным функционально-коммуникативным зарядом, лучшим условием раскрытия которого является сплошной анализ текстов и дискурса одного конкретного писателя (в данном случае рассказов В.М. Шукшина);

б) сочинительные союзы играют активную текстообразующую роль, которая проявляется:

– в обеспечении динамики текста,

– в создании композиции новелл В.М. Шукшина;

– в реализации различного радиуса действия сочинительных отношений (от одного конкретного высказывания до значительных по протяженности фрагментов текста, а в некоторых случаях всего рассказа в целом);

– в монтажном структурировании рассказов;

– в формировании элементов их кинематографичности;

в) сочинительные конструкции выполняют разнообразные художественные функции содержательно-коннотативного характера:

– выявляют способность выстроить синтаксический каркас, на котором держится семантическая структура некоторых новелл В.М. Шукшина;

- активно участвуют в реализации основных тем, идей, мотивов, концептуальных смыслов и художественных образов;
- создают экспрессивно-эмоциональный фон произведений;
- выполняют особую эстетическую функцию, выступая в качестве элемента словесного искусства, что проявляется в различного рода акцентировках, смысловых дополнениях и подтекстных смыслах;
- являясь частью «визитной карточки» человека, сочинительные конструкции открывают определенные возможности лингвоперсонологической характеристики самого автора рассказов В.М. Шукшина в личностном, гражданском и профессиональном планах;

г) конкретные употребления сочинительных конструкций в прозе В.М. Шукшина, обусловленные действием экстра- и интралингвистических факторов, представляют собой определенную тексто-дискурсную систему.

Научной опорой при изучении сочинительных конструкций в динамическом процессе их функционирования явились работы: о сочинительных союзах, их семантике и употреблениях в текстовых единицах русского литературного языка [И.А. Поповой, Е.И. Дибровой, Ю.И. Леденева, Н.Н. Холодова, А.Ф. Прияткиной, Г.Е. Крейдлина, З.Н. Бакаловой, Н.М. Киселевой, Н.П. Перфильевой, Е.В. Урысон, К.Я. Сигала, В.З. Санникова, М.С. Миловановой, О.А. Ананьевой и др.] и даже в русских диалектах [О.И. Гордеевой]; об общих теоретических проблемах синтаксиса простого и сложного предложений, а также целостного текста в русском языке [А.М. Пешковского, В.В. Виноградова, А.Н. Гвоздева, Е.С. Скобликовой, В.А. Белошапковой, Ю.А. Левицкого, З.Д. Поповой, Л.А. Шестак]; о функционально-коммуникативном анализе языковых единиц [А.В. Бондарко, М.А. Шелякина, Г.А. Золотовой, Н.К. Ониненко, М.Ю. Сидоровой], в том числе о коммуникативном синтаксисе русского языка [создателя Санкт-Петербургской синтаксической школы, профессора С.Г. Ильенко и ее единомышленников], в частности о сочинительных союзах в их динамическом аспекте [Г.Ф. Гавриловой, И.Н. Кручининой, З.Н. Бакаловой, О.А. Ананьевой, С.И. Клецкой, К.Я. Сигала]; об антропоцентрическом направлении современного языкознания [Н.Ф. Алефиренко, Е.С. Кубряковой, В.А. Масловой, В.Б. Касевич, Е.В. Урысон]; о проблемах эгоцентризма языковых средств [А. Вежбицка, Е.В. Падучевой, Е.В. Урысон, В.А. Гуреева и др.]; о сути коннотативной семантики языковых единиц [Е.Ф. Галкиной-Федорук, В.И. Шаховского, С.В. Марченко и др.]; о когнитивной лингвистике [Е.С. Кубряковой, Н.Д. Арутюновой, Г.А. Золотовой]; о языковой картине мира и языковой личности [Ю.Н. Караулова, Н.Д. Голева, Е.В. Урысон, И.Г. Сагирян и др.]; о лингвопоэтике, художественности и эстетической составляющей словесного творчества [Б.А. Ларина, Л.И. Тимофеева, А.Н. Кожина, Л.И. Донецких, В.И. Тюпа, А.Б. Есина, Е.В. Хализева и др.]; о филологическом

анализе художественного текста [Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, Н.С. Болотновой, Л.В. Поповской (Лисоченко), М.Н. Кожинной, Н.М. Шанского, Л.Г. Бабенко, Н.А. Николиной и др.]; о стилистических проблемах в области русского синтаксиса и связного текста [В.В. Одинцова, С.Г. Ильенко, И.Н. Кручининной]; о подтексте художественно-литературного произведения [Л.А. Голяковой, М.Н. Мурзина, Е.В. Ермаковой, Н.В. Анохиной, С.С. Сермягиной и др.]; о литературной кинематографичности [И.А. Мартьяновой, Т.Г. Можяевой, И.Ю. Размашкина и др.]; о художественно-эстетических функциях пунктуации [Ю.В. Ванникова, Е.А. Иванчиковой, Е.В. Дзякович, Н.Н. Ореховой, И.П. Сафроновой, Л.М. Кольцовой и др.]. Кроме того, рассмотрение функционирования сочинительных конструкций в рамках идиостиля одного автора обусловило необходимость обращения к работам, посвященным изучению своеобразия творческой манеры и художественного дискурса В.М. Шукшина: В.И. Коробова, В.А. Апухтиной, О.А. Камышевой, В.Ф. Горна, С.М. Козловой, А.И. Куляпина, А.А. Чувакина, Г.Г. Хисамовой, О.А. Скубач, О.В. Тевс, Е.Ф. Кофановой и др.

Исследованию было подвергнуто более 10 000 контекстов с сочинительными конструкциями, извлеченных из текстов рассказов В.М. Шукшина методом сплошной выборки.

Апробация работы. Материалы, вошедшие в диссертацию, были представлены в докладах на конференциях, главным образом, международного и всероссийского характера в городах Самаре [2006, 2008, 2009, 2010, 2011], Москве [2009], Нижнем Новгороде [2007], Кемерове [2008], Твери [2005], Саратове [2006, 2009], Тольятти [2008] и отражены в 18 публикациях, в том числе в 3 статьях в изданиях, рекомендованных ВАК Минобразования и науки РФ для публикации статей соискателей ученой степени доктора и кандидата филологических наук. Диссертация обсуждена на кафедре русского языка, культуры речи и методики их преподавания Поволжской государственной социально-гуманитарной академии.

Структура работы. Диссертация состоит из трех глав, введения, заключения и списка используемых источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы исследования, его актуальность, формулируются цели и задачи диссертации, определяются методологическая база, методы анализа, новизна исследования, его теоретическая и практическая значимость, излагаются основные защищаемые положения.

Глава 1 – **«Ракурсы и проблемы изучения сочинительных конструкций современного русского языка»** – состоит из трех параграфов.

В параграфе 1.1 кратко освещается история изучения сочинительных отношений русского языка.

В параграфе 1.2 обозначаются основные воззрения на грамматическую природу и значение сочинительных союзов. В последнее время категория служебных слов русского языка расширяется за счет так называемых «текстовых скреп» и «скреп-фраз». При этом нет единства в терминологическом обозначении и понимании содержательной стороны разных групп неполнозначных слов. Одни исследователи связующие слова как внутри предложения, так и в тексте называют общим термином «скрепа» [Пермякова, 2011], другие – «релятивом» [Ляпон, 1986], третьи – «коннектором» [Трестерова, 1993], четвертые – «дискурсивными словами». Одни полагают, что понятия «союзы», «скрепы» и «дискурсивные слова» не совпадают. Другие относят союзы, связывающие, например, части текста (не предложения), к «текстовым скрепам» [Черемисина, 1987]. Мы называем релятивы (показатели отношений) в простом и сложном предложениях, а также в текстовых единицах (абзацах, ССЦ и даже в абсолютном начале художественного произведения) одним и тем же традиционным термином – «союзы», признавая за ними (и описывая в диссертации) несколько разные функции в связи с разными позициями.

Параграф 1.3 посвящен сущности и проблемам антропоцентрического функционально-коммуникативного изучения сочинительных союзных высказываний. В нем также формулируются некоторые исходные положения анализа сочинительных конструкций в рассказах В.М. Шукшина.

Диссертационная работа представляет собой опыт лингвопоэтического исследования. *Лингвопоэтика* изучает «совокупность использованных в художественном произведении языковых средств, при помощи которых писатель обеспечивает эстетическое воздействие, необходимое ему для воплощения его идейно-художественного замысла» [Задорнова, 1992: 20] и достижения «сверхзадачи» – максимально корректной интерпретации текста. Данный подход предполагает тесную закономерную и естественную связь лингвистического и литературоведческого анализов, поскольку объяснение структурных особенностей текста невозможно вне соотнесения с содержательными понятиями литературоведения (тема, идея, авторские интенции, образная система, мотивы, художественные детали и пр.).

Образность в работе рассматривается как совокупность любых языковых средств (лексических и грамматических) и их композиционной организации, включая развертывание словесных рядов и блоков, способных реализовать смысл в определенных конкретных, наглядно-чувственных представлениях [Кожин, 2003]. Категории *художественного* и *эстетического* соотносятся как общее и частное: эстетическое является необходимым составным компонентом художественного. В понимании эстетической функции

языковых средств опираемся на подход Б.А. Ларина, которому принадлежит (одновременно с Л.В. Щербой) приоритет в раскрытии сути филологического анализа текста. По формулировке Б.А. Ларина, «эстетическое значение» слова заключается в том, что им не только передано некое значение, но и «обозначены пределы разного в каждом случае ассоциативного развертывания смысла данной речи», слово способно быть только «намеком включенных мыслей, эмоций, волений» [1973: 33-34]. Данные утверждения о художественно-эстетической функции слова, на наш взгляд, в равной степени касаются и союзов.

Вторая и третья главы работы – исследовательские. Они посвящены рассмотрению сочинительных высказываний в их формальном (глава 2) и содержательном (глава 3) аспектах употребления в идиостиле В.М. Шукшина. Подобное разделение носит условный характер, поскольку названные аспекты изучения любого языкового средства в художественной речи неразрывны как цельность и связность литературного произведения, однако оно целесообразно в методических целях более детального анализа текстообразующих и смысловых функций.

Вторая глава – **«Реализация текстообразующего аспекта рассказов В.М.Шукшина средствами сочинительной связи»** – посвящена описанию текстообразования средствами сочинительных структур с позиции их композиционно-синтаксической роли. Под текстообразующей функцией понимается способность союза участвовать в организации текстовых единиц разного объема и в текстодвижении в целом. Текстообразующая роль сочинительных структур выявляется через анализ их текстовых связей с предшествующим и / или последующими фрагментами текста произведения, т.е. путем установления характера взаимосвязи композиционно-смысловых звеньев произведения.

Сочинительные союзы стимулируют развитие повествования, конструируют текст по принципу «сукцессивности» (термин И.Н. Кручининой) и «инкорпорирования» (термин Л.Н. Мурзина), когда предыдущее предложение структурно и тематически определяет и как бы «тянет» за собой последующее, а каждое последующее предложение некоторым образом включает в себя предыдущее. В результате средствами сочинительных союзов «рисуются» детали картин жизни с их внутренними отношениями гармонии (союз И), сопоставления (А), противопоставления, противоречия (НО) или альтернативы (ИЛИ).

С помощью союзов выстраивается и композиция рассказов В.М. Шукшина, помогающая в раскрытии их идейной сути. Текстообразующие композиционные потенции сочинительных союзов во многом зависят от их расположения в тексте. Наиболее выразительны союзы в начальной (инициальной) и конечной (финальной) позиции, поскольку именно эти позиции

являются наиболее сильными для осмысления содержательно-концептуальной информации художественного текста. Так, от концовки может зависеть эффект катарсиса, именно в этой части произведения нередко происходит подтверждение или опровержение ожиданий, прогнозов читателя. В текстовых позициях начала и конца у языковых единиц проявляются особые композиционные функции, которые языковеды называют соответственно либо вводящими [Размашкин, 2001], интерактивными [Куралева, 2007], либо резюмирующими [Размашкин, 2001] функциями. Вводящие и резюмирующие высказывания, выполняющие особую роль в его композиционно-содержательной организации, обладают бóльшим «радиусом действия», охватывая «своим влиянием – собственно содержательным, концептуально-функциональным <...> и стилистическим – тот или иной фрагмент текста, так называемую текстовую зону» [Ильенко, 1989: 66].

В начале независимых предложений сочинительный союз не изменяет своего грамматического статуса союза как части речи, но при этом он содействует актуализации содержания фразы, позволяет автору особо подчеркнуть, выделить нужный смысл, создать эффект весомости, значимости вводимого союзом предложения (*Игорь Алексеевич закусил нижнюю губу и сильно потер пальцем переносицу – чтоб не заплакать. И заплакал «Приезжий»; И плясали-то мы с тобой и пели... А рядом рожь несжатая стояла «Два письма»*). В позиции же абсолютного начала текста рассказа (явление достаточно редкое в художественной литературе) союз осуществляет связь вводимого высказывания с фактически отсутствующим, но домысливаемым контекстом. Например, фраза *И пришла весна – добрая и бестолковая, как недозрелая девка* – абсолютное начало рассказа «Степка». Из дальнейшего повествования становится ясно, что ситуация наступления весны, пробуждения природы соответствует ситуации возвращения героя в родную деревню из мест заключения, началу, как ему казалось, его новой жизни. Однако возвращение героя домой – результат побега. В его беседе с участковым в кульминации рассказа снова возникает слово «весна» из первого предложения:

– *Зачем ты это сделал-то?*

– *Сбежал-то? А вот – пройтись разок... Соскучился.*

– *Так ведь три месяца осталось! – почти закричал участковый. – А ведь еще пару лет накинут.*

– *Ничего... Я теперь подкрепился. Теперь можно сидеть. А то сны замучили – каждую ночь деревня снится... Хорошо у нас весной, верно?*

Первая короткая фраза рассказчика с необычным начальным соединительным союзом И – *И пришла весна* – звучит как намек на возможное предзнание о чем-то, что было до этого момента речи, но пока еще не раскрыто рассказчиком. Полностью она может быть воспринята читателем позже, как

сигнал того, что побег героя именно весной – результат мучительных раздумий и воспоминаний о «*доброй весне*» в родной деревне. Установление такого рода связей выявляет мотивацию побега, что усиливает впечатление от начального высказывания.

Отдельный параграф посвящен кинематографичности идиостиля В.М. Шукшина и немаловажной роли сочинительных союзов в ее создании². Под литературной кинематографичностью понимается «характеристика текста с монтажной техникой композиции, в котором различными, но прежде всего композиционно-синтаксическими средствами изображается динамическая ситуация наблюдения» [Мартьянова, 2002: 8]. Своеобразие структурно-семантической организации текстов рассказов В.М. Шукшина во многом обусловлено уникальной широтой его творческих дарований: актер, режиссер, сценарист, рассказчик, романист, драматург... Его литературные произведения отличаются необходимой для монтажного построения лаконичностью: пространные описания и развернутые рассуждения заменяются точностью и четкостью построения каждого плана повествования, превращая его в законченный кадр. Внутренняя динамичность действия, создаваемая драматическим конфликтом, составляет основу большинства его произведений. Кинематографичность художественных текстов В.М. Шукшина, по нашим наблюдениям, опирается не столько на лексические средства, сколько на композиционно-синтаксическую организацию повествования. Возможности союзов в обеспечении текстодвижения способствуют динамичной смене «кадров» (фрагментов повествования).

«От Ивана Петина ушла жена. Да как ушла!.. прямо как в старых добрых романах – сбежала с офицером.

Иван приехал из дальнего рейса, загнал машину в ограду, отомкнул избу... И нашел записку...» – так начинается «Раскас», стремительно вводя читателя в историю покинутого мужа. Если рассмотреть зрительный ряд отрывка, то можно заметить, что он строится на приближении субъекта к объекту: *из дальнего рейса приехал, попал в ограду, зашел в избу... И...* В кинематографе такой прием называется «наплыв»: постепенно приближаясь, камера фиксирует внимание зрителя на объекте. Записка, данная крупным планом, становится толчком для развития дальнейшего действия – написания оскорбленным героем «раскаса» об измене жены.

В третьей главе – **«Роль сочинительных структур в реализации содержательного и коннотативного аспектов рассказов В.М. Шукшина»** – сочинительные высказывания рассматриваются с точки зрения их способности

² Впервые влияние поэтики кинематографа на произведения В.М. Шукшина, обусловившее их монтажное строение, рассмотрела О.А. Камышева в своей кандидатской диссертации [1982], однако вопрос о роли сочинительных конструкций в обеспечении кинематографичности повествования не затрагивался.

реализовывать содержательный и эмоционально-экспрессивный аспекты малой прозы писателя.

Материал рассказов показывает, что обилие сочинительных союзов в повествовательной манере писателя отнюдь не носит случайного характера. Помимо композиционной функции (собственно организации текстодвижения) сочинительные союзы способны выполнять заметную идейно-тематическую роль. Они передают движение человеческой мысли, осуществляют переход от прямого отражения действительности к интерпретации наблюдаемого и обобщениям.

С активной подсказкой сочинительных отношений выстраивается семантическая структура новелл В.М. Шукшина, что в диссертации иллюстрируется на примере рассказов «Срезал» и «Мой зять украл машину дров». Сочинительная связь со всеми ее семантическими возможностями оказалась в них весьма подходящей для выражения самых разнообразных коллизий и эмоциональных нюансов значений.

Значимой функцией сочинительных высказываний является их участие в реализации основных тем, идей, мотивов, концептуальных смыслов и художественных образов рассказов.

В художественном тексте образ человека «реконструируется на основе языковых данных» [Апресян, 1995: 37]. Такими языковыми данными могут быть и сочинительные высказывания. Рассказ «Жена мужа в Париж провожала» дает возможность пронаблюдать диапазон речевых возможностей сочинительных отношений в изображении характерной для В.М. Шукшина антиномии типажей мужа и его злой жены. Еще будучи солдатом, главный герой Колька Паратов женился *«идиотским способом»* – заочно по переписке: *«Колька отправил в Москву фотографию и с фотографией много «разных слов». «Стали они с Валюшей жить-поживать, и потихоньку до них стало доходить, что они напрочь чужие друг другу люди. Но было поздно: через год у них народилась дочка Нина, хорошенькая, круглолицая, беленькая...»* Это «НО» – первый сигнал будущей трагедии. Пытаясь обеспечить семью, герой *«много раз менял место работы, но везде – сто, от силы сто двадцать рублей. А Валя имела до трехсот чистыми [шила. – Е.К.]»*. Второе «НО» – сигнал материальной неудачи главы семьи. Союз А – маркер сопоставления материальных возможностей не в пользу мужа. Вербализуют противопоставление супругов – бесребреника Николая и потребительницы Валентины – и несколько противительных смыслов эксплицитного или имплицитного характера: муж зарабатывал сто-сто двадцать, а жена – до трехсот; муж старался материально соответствовать жене, но не получалось; оба поняли, что они чужие друг другу, но было поздно; муж пытался затеять разговор по душам, но услышал лишь оскорбительные слова о его ненужности в семье. Все эти НО по своей сути несут экспрессию негатива и в данном

контексте означают безрезультатность хороших устремлений Кольки. Он вспоминал свои родные сибирские места, и начинала болеть душа. «Думал о своей деревне, о матери, о реке... Думал на работе, думал дома, думал днем, думал ночами. **И** ничего не мог придумать, только травил душу, **и** хотелось выпить». Конструкции с соединительным И необычны. Как правило, И передает гармонию и сходство, а это И – причинно-следственное (думал, **и** начинала болеть душа) или противительное, равное «**но**» (думал, **и** ничего не мог придумать). Возникает мотив безысходности, предупреждающий читателя о возможности дальнейшего трагического развития событий – самоубийстве героя.

Немаловажная роль отводится сочинительным конструкциям и в раскрытии разнообразных мотивов, входящих в структуру основных тем рассказов. Ставшие классическими представления о мотиве сводятся к его пониманию как некоего смыслового ядра, ценностно-значимых смыслов с определенной функцией в тексте [см., например, работы В.Я. Проппа, А.Н. Веселовского, А.П. Скафтымова и др.]. Одним из лейтмотивов творчества В.М. Шукшина является мотив смысла жизни. Метания шукшинских героев в поисках смысла жизни созвучны мучительным поискам на тот же вопрос «зачем живет человек?» самого автора. Страстные строчки повествователя, очевидно, выражающие позицию автора, звучат в концовке рассказа «Дядя Ермолай». Умный, образованный мужчина стоит на могиле простого деревенского труженика, которого знал и уважал с детства и думает, думает...

*Ермолай Григорьевич, дядя Ермолай. **И** его тоже поминаю – стою над могилкой, думаю. **И** дума моя о нем – простая: вечный был труженик, добрый, честный человек. Как, впрочем, все тут, как дед мой, бабка. Простая дума. Только додумать я ее не умею, со всеми своими институтами и книжками. Например: что был в этом, в их жизни, какой-то большой смысл? В том именно, как они ее прожили? **Или** – не было никакого смысла, **а** была одна работа, работа... Работали **да** детей рожали. Видел же я потом других людей... **Вовсе** не лодырей, нет, **но**... свою жизнь они понимают иначе. Да сам я ее понимаю теперь иначе! **Но** только когда смотрю на эти холмики, я не знаю: кто из нас прав, кто умнее? Не так – не кто умнее, **а** – кто ближе к Истине. **И** уж совсем мучительно – до отчаяния и злости – не могу понять: **а** в чем Истина-то? Ведь это я только так – грамоты ради **и** слегка из трусости – величаю ее с заглавной буквы, **а** не знаю – что она? Перед кем-то хочется снять шляпу, **но** перед кем? Люблю этих, под холмиками. Уважаю. **И** жалко мне их.*

Вся концовка прочно скреплена сочинительной связью. Несколько раз повторяющееся И создает динамику мыслей, как бы цепляющихся друг за друга в их последовательном развитии. Редкий в идиостиле В.М. Шукшина разделительный союз ИЛИ передает раздумья, когда как бы взвешивается альтернатива: был ли смысл (и какой?) в вечной работе, в той непрерывной

сельской трудовой круговерти, что была содержанием всей жизни дяди Ермолая (или не было?). Противительные функтивы эксплицируют попытки мучительного осознания того, что было и чего не было на самом деле (не было никакого смысла, а была одна работа?) и кто прав: одни, а может быть другие. И не может не быть в этом напряженном внутреннем монологе, идущем из глубины души, эмоционально-экспрессивной разговорной частицы А: *А в чем Истина-то?* Вечный вопрос думающего человека. Сочинительные союзы-частицы как нельзя более уместны и необходимы, чтобы передать все обертоны этих философских по сути дела раздумий об истине как ответе на смысл жизни самых разных представителей галереи шукшинских персонажей (а зачем? а почему? а как надо? а кто прав? а в чем высший смысл? и т.д. и т.п.).

Отдельный параграф главы посвящен участию сочинительных союзов в построении пространственно-временного плана повествования. «Хронотоп является важнейшей характеристикой художественного образа и одновременно способом создания художественной действительности» [Журчева, 2003]. Пространство и время в творчестве В.М. Шукшина – одна из выразительных субъективно-авторских черт его поэтики, средство выражения его авторского сознания. Описываемая писателем алтайская деревня 1960-70 гг. важна концептуально, поскольку за тысячами и тысячами таких деревень стоит вся Россия с ее национальной ментальностью и культурой.

Как известно, произведение искусства слова может воспроизводить пространственно-временную картину мира в ее символично-идеологическом содержании. Яркой иллюстрацией этого является рассказ «Осенью». Оговорим только частную художественную категорию времени – осень, выраженную разноуровневыми языковыми средствами с активным участием сочинительной связи. *«Был конец сентября, дуло после дождей, наносило мразь и холод. Под ногами чавкало. Из репродуктора у сельмага звучала физзарядка, ветер трепал обрывки музыки и бодрого московского голоса».* Уже эти начальные высказывания важны для восприятия всего произведения. В них не только определяется реальное время года, но и задается основная тональность повествования. Обращают на себя внимание попарно соединенные союзом И понятия. В первой паре однородных членов (*мразь и холод*) союз И, соединяя и без того семантически близкие понятия, усиливает их экспрессивное звучание за счет сем интенсивности, эмоциональности и негативной оценочности. Во втором случае союз синонимически сближает сочетания *обрывки музыки и бодрый московский голос*, зависящие от экспрессивно яркой лексемы «трепал». Такое объединение педалирует подтекст равной чуждости и музыки, и бодрого московского голоса описываемой в рассказе ситуации похорон и соответствующего ей унылого пространства. Если изъять из приведенных высказываний сочинительные союзы, побледнеет ощущение целостности

атмосферы холода, неприютности, горестности подчеркиваемых чужеродностью дисгармоничных деталей.

Сочинительная связь способна участвовать в экспликации и эмоционально-оценочной стороны литературного текста, реализуя целый спектр экспрессивно-стилистических тональностей. Вслед за рядом исследователей [Е.М. Галкина-Федорук, В.И. Шаховский, С.В. Марченко и др.] мы понимаем экспрессивность как общую категорию, включающую такие частные категории, как эмотивность (эмоции и оценки), интенсивность, образность и стилистическую характеристику языковых единиц. Первопричиной возникновения у высказываний с сочинительными союзами дополнительных смысловых и выразительных нюансов является прежде всего коммуникативная установка автора, которая становится возможной при соблюдении ряда условий, как экстра-, так и интралингвистического плана. К первым следует отнести личность автора, стоящую за текстом, нормы, на которые он прямо или косвенно ориентируется, создавая произведение, цели и задачи, которые он ставит; идейно-эстетическую направленность произведения; жанр; предмет сообщения, характер описываемой ситуации; пресуппозиции, или фоновые знания, и пр. Характер личности В.М. Шукшина, безусловная близость его художественной речи живой разговорной стихии, сельская тематика, особенности житейских коллизий рассказов определяют активное использование эмоционально-экспрессивных сочинительных конструкций.

Лингвистические факторы с определенной степенью условности разделяем на композиционно-речевые и собственно речевые. К композиционно-речевым можно отнести: начальную и конечную позицию союзного высказывания в тексте; монтажный принцип организации сочиненной конструкции; участие союзов в построении стилистических синтаксических фигур речи: апозиопезы, анафоры, полисиндетона, кольцевых повторов и др. (что служит одним из подтверждений взаимосвязи формального и содержательного аспектов сочинительной связи). Так, апозиопеза (умышленно незавершенное высказывание, «оборванное» на постпозитивном сочинительном союзе с многоточием) делает конструкции более динамичными, содержательно емкими и, следовательно, более экспрессивными. *«Подруги кое-какие остались, но... Знаете, вот были подругами, да? Потом вдруг что-то – раз! – и отношения портятся»* («Медик Володя»). Полная смысловая определенность недоговоренного звена (но это не такие, не настоящие подруги!) создается за счет взаимоотношения противительного союза и лексического наполнения следующего за апозиопезой высказывания.

Среди собственно речевых условий выявления экспрессивной окраски сочинительных конструкций назовем несоответствие семантики союза лингвистическим обстоятельствам его употребления; лексические средства сочинительных конструкций, их грамматические особенности; пунктуационное

оформление высказываний. Например, союз И иногда называют маркером «нормального» развития событий [Урысон, 2000], подразумевая, что союз способствует поступательному движению повествования «по прямой», т.е. повествованию гармоничному, непротиворечивому. Однако в художественной речи И может употребляться и со значениями противопоставления или несоответствия (И=НО или И=А). Тогда развитие текста идет «не нормально», а вопреки ожиданиям. *«Здесь одна девка утонула... Нырнула и запуталась волосами в коряге. У нее косы сильно большие были... Жалко девку. Нырнет в воду, и косы зачем-то распускать. Вот дуреха!»* («Демагоги») Конфликт содержания и формы, семантики союза и условий его употребления порождает экспрессию, становится средством воздействия на воображение читателя.

Наглядным маркером экспрессии служат средства пунктуации, которая путем объединения, членения и развертывания языковых элементов тоже способна воплощать представления субъекта речи о мире и его оценки в виде детализированной языковой картины. Пунктуационные приемы актуализируют высказанные мысли, способствуют их восприятию как особых, необычных, значимых. Самый распространенный пунктуационный прием у В.М. Шукшина – парцелляция, расчленение синтаксической структуры предложения, в том числе сложносочиненного, точкой или многоточием. *Павел безнадежно махнул рукой. И замолчал* («Капроновая елочка»); *В избе тихо, сумрачно и пусто. И холодно* («Далекие зимние вечера»); *Подошел к магазину, хотел хоть издали посмотреть на бумажку, постоял у входа... И не вошел* («Чудик»). Знаком препинания созданы новые рематические центры. Возникает противоречие между синтаксической зависимостью парцеллянта, связанного союзом, и его коммуникативной и графической самостоятельностью, что дает экспрессивный эффект и дополнительные семантические оттенки. В диссертации приводится иллюстративная таблица возможностей пунктуационного оформления сочинительных конструкций из 42 позиций, где каждый знак имеет свое функциональное назначение, например, *и и; и – и; !.. и; и –; – и; и... и пр.*

Значимыми по своей сути являются содержательные и коннотативные подтекстные смыслы рассказов В.М. Шукшина, создаваемые с помощью сочинительной связи. Подтекст (скрытый, имплицитный смысл) – одна из важнейших семантических и прагматических категорий текста. По мнению ученых, мозг человека способен к усвоению знания и оперированию им без выведения его на полностью и сразу осознаваемый уровень при помощи формальных способов выражения [Ермакова, 2010]. Это экономит языковые средства выражения, создает глубину, заставляет задуматься над сказанным. По утверждению Ю.А. Левицкого, «целостной теории подтекста пока не существует. Она находится в процессе своего становления» [2006: 128]. Этот процесс становления хорошо иллюстрируют лингвистические работы начала

XXI века [Н.В. Семеновой, А.В. Кашичкина, О.И. Просянной, О.А. Жариной, Н.Я. Иванишина, С.С. Сермягиной, Ф.Б. Ситдикова, М.Н. Козьмы, Н.В. Анохиной]. Все труды вносят заметный вклад в достаточно сложную науку анализа неочевидных смыслов. Как это всегда бывает в еще неоформившихся областях знания, у ученых нет полного согласия и по поводу соотношения понятий подтекста и имплицитности, и по поводу классификации подтекстных (имплицитных) смыслов. В настоящей работе мы разделяем «расширительную» точку зрения Н.В. Шевченко [2003] на подтекст как общую категорию (а не частную составляющую имплицитности) и дифференцируем подтекстные смыслы художественного произведения, вслед за Е.В. Ермаковой [2010], на рекурсивные смыслы, к которым относятся неявно выраженные, но понятные читающему различные оценки содержательной стороны художественного текста как повествователя, так и героев литературного произведения, и референтные, т.е. знакомые читателям по их жизненному опыту. В.М.Шукшин – писатель, избегающий прямых оценок и суждений, нравучений и морализаторства, но его повествование полно косвенных подсказок и «намеков», что и составляет подтекст новелл. Рекурсивные смыслы в идиостиле писателя анализируются на примере рассказа «Капроновая елочка», где подтекстно обозначены пять точек зрения на одну и ту же ситуацию (четырёх действующих лиц и самого рассказчика). Примером референтной «подсказки» может быть пейзажная зарисовка из рассказа «Солнце, старик и девушка». Картина постепенно заходящего солнца словно подчеркивает естественность конца жизни состарившегося мужчины. *«Только вечерами наступала прохлада. И тогда на берег стремительной реки Катунь выходил древний старик, садился всегда на одно место – у коряги – и смотрел на солнце. <...> Солнце коснулось вершин Алтая, и стало медленно погружаться в далекий синий мир. И чем глубже оно уходило, тем отчетливее рисовались горы. Они как будто придвинулись. А в долине – между рекой и горами – тихо угасал красноватый сумрак. И надвигалась от гор задумчивая мягкая тень. Потом солнце совсем скрылось за острым хребтом Бубурхана, и тотчас оттуда вылетел в зеленоватое небо стремительный веер ярко-рыжих лучей. Он держался недолго – тоже тихо угас. А в небе в той стороне пошла полыхать заря. <...> Девушка не понимала: то ли ей жаль старика, то ли она больше удивлена его странным спокойствием и умиротворенностью».* «– Ушло солнышко, – вздохнул старик». Солнце здесь – символ жизни. Медленно, постепенно надвигается сумрак, уходит солнышко, так же постепенно уходят силы, годы, угасает человеческая жизнь. Эта постепенность выразительно передана многочисленными сочинительными высказываниями с глаголами прошедшего времени несовершенного и совершенного вида (*старик выходил, садился, смотрел...; солнце стало медленно погружаться, уходило...; сумрак тихо угасал; надвигалась задумчивая мягкая тень; потом солнце*

скрылось... и пр.). Предикативы передают детали заката на родных берегах реки Катунь, где старик прожил свой век. Анафорические союзы, отдельно маркируя каждую деталь, одновременно соединяют их в одну картину закатного вечера. Несколькими пейзажными штрихами с выразительной помощью сочинительных высказываний В.М. Шукшину удается передать читателю пронзительное чувство прощания старого человека с миром живой природы.

Заключительный параграф главы освещает роль сочинительных конструкций в экспликации языковой личности В.М. Шукшина. Авторская личность писателя и стилистика порождаемых текстов его рассказов, безусловно, соотносимы друг с другом. Язык художественного произведения есть отпечаток сущности личности, ее авторской установки, ее индивидуальной картины мира. Специфика употребления сочинительных высказываний как одного из ресурсов языка тоже может быть рассмотрена в качестве средства лингвоперсонологической характеристики автора. В.М. Шукшин как автор рассказов имеет многообразные текстовые проявления: интеллектуальное, эмоциональное, психологическое, гражданское, профессиональное. Мы считаем, что жизненная концепция писателя состоит в утверждении достойного образа жизни трудолюбивого и порядочного человека и отрицание той изнанки села и города, которую он неоднократно описывал во всех ее вариациях: пьянство, грубость, хамство, равнодушие и т.п. и сочинительные высказывания становятся отпечатком сознания и психологии автора. Гражданская позиция автора тесно связана с его представлениями о долге и чести.

Одной из «визитных карточек» индивидуального «профессионального» почерка писателя могут быть признаны выразительные союзы **НО**, функционирующие в качестве самостоятельных предложений (союзов-коммуникем, союзов-фраз). Как правило, такое употребление называют современной тенденцией исследователи [Мартьянова, 2010, Шестак, 2010]. Соглашаясь с этим, мы должны оговорить, что неоднократно встречающиеся в рассказах В.М. Шукшина 60-70-х годов прошлого века **НО**-предложения свидетельствуют о том, что выразительный прием использования союзов в роли как бы целого, но неполного, нерасконкретизированного предложения для русской литературы не абсолютно нов. Основанием возможности такого необычного употребления слова **НО** стало, видимо, ярко выраженное лексико-грамматическое значение противопоставления как специфического значения этого союза. Например, в рассказе «Сапожки» **НО** означает крепкое раздумье простого деревенского мужика, шофера Сергея Духанина: стоит ли покупать в сельских условиях дорогую и хрупкую вещь – нарядные дамские сапожки. Очень уж хотелось обрадовать жену. *«Шестьдесят пять рублей у Сергея были. Было даже семьдесят пять. Но... Он вышел на улицу, закурил и стал думать. Вообще-то не для деревенской грязи такие сапожки, если уж говорить*

честно. Правда, она их беречь будет...» Это маленькое НО в значении серьезного противовеса, слово заноза, сидело в сознании Сергея и мешало получить простое человеческое удовольствие от приглянувшейся вещи. Очевидно, дело здесь не только в реалиях сельской жизни, но и в извечной психологии русского крестьянина, о которой писатель говорит в рассказе «Леся»: *«вековой крестьянин <...> из горьких своих веков вынес несокрушимую жадность. Жадность, которая уже и не жадность, а способ, средство выжить когда не выжить – очень просто»*. Однако негативное НО «не сработало», сомнения решились в пользу покупки сапожек, что, на наш взгляд, в определенной мере связано с такими чертами русского менталитета, как широта души, щедрость, удасть, поступки «на авось». Подтверждением такого предположения может служить и другое высказывание из этой новеллы уже с союзом А: *«Грязь по колено – а он сапожки за шестьдесят пять рублей»*. Союз А иногда называют «эгоцентриком», подчеркивая его связь с национальным характером русского человека [А. Вежбицка, Е.В. Падучева]. Эта непрактичная покупка – поступок типично русский: щедро, с размахом, не задумываясь о последствиях (подойдут – не подойдут). Сергея не останавливают даже вполне резонные сомнения: *привезешь, а она же первая заругает; едет покупать, а не знает, какой размер*.

Итак, материалы исследования свидетельствуют о полифоничности сочинительных высказываний рассказов В.М. Шукшина, когда одна и та же сочиненная форма способна сочетать целый комплекс прагматических установок субъекта речи: текстообразование, передачу разнообразной информации, принадлежность к содержательным, возможно, концептуальным сущностям, экспрессивную маркированность описываемых фактов, нужную пространственно-временную мозаику, передачу семантической структуры текста, его идей и эмоционального настроения, подтекстных оценочных смыслов и пр., – что создает в результате большую объяснительную силу рассматриваемых доминантных синтаксических средств малой прозы писателя.

В Заключении подводятся итоги исследования. Основными результатами являются определение текстообразующей роли сочинительных союзов, их художественно-эстетических функций в рассказах В.М. Шукшина и на основании этого – формулировка обобщений относительно тексто-дискурсивных закономерностей использования сочинительных высказываний.

Текстообразующая роль сочинительных союзов и высказываний с ними заключается в стимулировании развития повествования в новеллах, художественная роль сочинительной связи многогранна и многоаспектна, она касается как содержательной, так и коннотативной стороны художественного текста. Союзы как «служебные слова», противореча своему терминологическому обозначению, оказались достаточно сильным и эффективным речевым средством во многих отношениях.

Действенным методом осуществленного анализа художественной роли сочинительных конструкций рассказов В.М. Шукшина явился учет дискурсивных механизмов функционирования сочинительных конструкций: в частности, учет личности автора, его мировоззренческих позиций и творческого почерка, историко-культурного фона, социальных, психологических и прочих фоновых знаний, например, учета обычаев, традиций и нравов алтайской деревни. Без пресуппозиций (хотя бы не в полном их охвате) читатель не смог бы понять писателя, а специалист-исследователь – оценить и объяснить целесообразность и эффективность использования сочинительной связи. Учет фоновых знаний широкого диапазона, а также категорий литературоведения, но главным образом опора на собственно текстовую обусловленность динамического процесса функционирования сочинительных конструкций (например, речевых и композиционно-речевых факторов и условий использования союзов) – все это и определяет сущность дискурсивного системного анализа сочинительных конструкций в идиостиле В.М. Шукшина.

Проведенный в диссертации анализ позволил обнаружить текстовую и шире – дискурсивную – систему функционирования сочинительных конструкций. Отечественное языкознание отграничивает системность языковую от речевой системности, понимая ее как динамически саморазвивающуюся систему с ее собственными законами функционирования языка на текстовом уровне. При этом если языковые системы относительно изучены, то для системного анализа динамики целого текста только лишь заложены теоретические предпосылки и достигнуты первые практические успехи на каких-то относительно узких участках русского языка. Специфичность дискурсивной системы в отличие от системы языковой проявляется в так называемых приращениях смыслов сочинительных конструкций, в их нетрадиционных употреблении, в их меняющейся стилистической тональности, в разнообразии их эмоциональных оценок. Такие трансформации в зависимости от факторов текста и дискурса многообразны.

Эстетические функции сочинительных высказываний в виде их разных текстовых прочтений и текстовых адаптаций, добавочных смыслов, акцентировок, усиления эмоциональных впечатлений и подтекстных смыслов обеспечивают глубину осознания текста и формируют системную картину сочинительных конструкций, проявляющуюся как в связи сочинительных структур друг с другом, так и в связи союзных высказываний с дискурсом литературного произведения и его проблематикой. Многократные употребления сочинительных союзов и их повторения, но уже с другими фокусировками и перестановками акцентов в разных текстовых условиях есть проявление в процессе текстообразования динамичности смысла художественного текста.

Дальнейшая разработка проблем функционирования союзов как незначительных слов вкпе с уже созданными наработками в этом направлении, особенно за два последних десятилетия, может создать (и уже создает) новое направление в языкознании: функционально-коммуникативное исследование слов служебного характера в разных стилях речи.

К перспективам дальнейшего анализа относим: исследование речевых систем употребления русских подчинительных союзов, предлогов и частиц; изучение служебных частей речи в речевых системах иностранных языков в сопоставлении с русским. Успешное накопление практического опыта, несомненно, будет способствовать и новым теоретическим обобщениям.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

I. Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Краснова Е.А. Приемы экспрессивной пунктуации в сочинительных конструкциях (на материале рассказов В.М.Шукшина) / Е.А.Краснова // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Серия «История. Филология». – № 49. – 2008. – С. 66–70 (0,5 п.л.).

2. Краснова Е.А. Художественная роль русских сочинительных союзов в художественном тексте (на материале рассказов В.М.Шукшина) / З.Н.Бакалова, Е.А.Краснова // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – № 3. – Воронеж. – 2008. – С. 29–35 (0,4 п.л. / авт. 0,2 п.л.).

3. Краснова Е.А. Композиция рассказов В.М.Шукшина средствами сочинительной связи / Е.А.Краснова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 11, 4 (5). – 2009. – С. 1278–1282 (0,5 п.л.).

II. Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

4. Краснова Е.А. Функционирование сочинительных высказываний с союзом *и* в рассказах Шукшина / Е.А.Краснова // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе : материалы XIX Тверской межвузовской конференции ученых-филологов и школьных учителей (Тверь, 15–16 апреля 2005 г.). – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2005. – С. 170–171 (0,1 п.л.).

5. Краснова Е.А. Об изучении сочинительных конструкций в функциональном аспекте / Е.А.Краснова // Предложение и слово : материалы конференции, посвященной памяти проф. В.С.Юрченко. – Саратов : СГУ, 2006. – С. 61–64 (0,25 п.л.).

6. Краснова Е.А. Сочинительные конструкции в позиции абсолютного начала текста / Е.А.Краснова // Наука и культура России : материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 24–25 мая 2006 г. – часть 2. – Самара : СамГАПС, 2006. – С. 22–24 (0,3 п.л.).

7. Краснова Е.А. Стилистическая функция сочинительных союзов в начале независимого предложения / Е.А.Краснова // Филологическая проблематика в системе высшего образования : межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 3. – Самара : СамГАПС, 2007. – С. 22–26 (0,3 п.л.).

8. Краснова Е.А. Функционирование сочинительного союза в художественном тексте (на примере рассказов В.М.Шукшина) / Е.А.Краснова // Русская словесность в контексте мировой культуры : Материалы Международной научной конференции РОПРЯЛ. – Нижний Новгород : изд-во Нижегородского госуниверситета, 2007. – С. 238–243 (0,3 п.л.).

9. Краснова Е.А. Парцеллирование сочинительных конструкций (на материале рассказов В.Шукшина) / Е.А.Краснова // Наука и культура России : материалы IV Международной научно-практической конференции, 26–27 мая 2008 г. – Самара : СамГУПС, 2008. – С. 192–194 (0,3 п.л.).

10. Краснова Е.А. Художественная роль сочинительных союзов в рассказе В.М.Шукшина «Срезал» / З.Н.Бакалова, Е.А.Краснова // Материалы V юбилейной международной научно-практической конференции «Татищевские чтения : актуальные проблемы науки и практики // Гуманитарные науки и образование. Часть II. – Тольятти: Волжский университет им. В.Н.Татищева, 2008. – С. 330–335 (0,4 п.л. / авт. 0,2 п.л.).

11. Краснова Е.А. Союз И и его функции в художественном тексте / Е.А.Краснова // Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых курсов : труды международной научно-практической конференции (Кемерово, 4 июля 2008 г.). – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2008. – С. 107–109 (0,1 п.л.).
12. Краснова Е.А. Сочинительные конструкции и пространственно-временная модель рассказа В.М.Шукшина «Осенью» / Е.А.Краснова // Языковая картина мира : лингвистический и культурологический аспекты : материалы IV международной научно-практической конференции (16–17 октября 2008 г.). – Бийск : БПГУ им. В.М.Шукшина, 2008. – С. 149–153 (0,4 п.л.).
13. Краснова Е.А. Экспрессивные возможности сочинительных союзов в художественном тексте / Е.А.Краснова // Филологические этюды : сб. науч. ст. молодых ученых : В 3 ч. – Саратов : Изд. центр «Наука», 2009. – Вып. 12, ч. III. – С. 149–153 (0,3 п.л.).
14. Краснова Е.А. Художественная деталь средствами сочинительной связи / З.Н.Бакалова, Е.А.Краснова // Я.А.Роткович. Материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения ученого. 1–3 февр. 2009 г. – Ч. II: Филологические науки. – Самара : СГПУ, 2009. – С. 212–217 (0,7 п.л. / авт. 0,3 п.л.).
15. Краснова Е.А. Противительные конструкции и концепт «чудик» в рассказах Шукшина / Е.А.Краснова // «Наука и культура России» : Международная научно-практическая конф. (2009; Самара). VI Международная научно-практическая конференция «Наука и культура России», 25–27 мая 2009 г. – Том 1. – Самара : СамГУПС, 2009. – С. 168–170 (0,2 п.л.).
16. Краснова Е.А. Композиционный прием монтажа средствами сочинительной связи в рассказах В.Шукшина / Е.А.Краснова // Текст. Структура и семантика : доклады XII международной конференции. – Т. 2. – М : ТВТ Дивизион, 2009. – С. 205–210 (0,3 п.л.).
17. Краснова Е.А. Textoобразующие возможности сочинительных структур русского языка (на материале рассказов В.М.Шукшина) / Е.А.Краснова // «Наука и культура России» : Международная научно-практическая конф. (2010; Самара). VII Международная научно-практическая конференция «Наука и культура России», 24–25 мая 2010 г. – Самара : СамГУПС, 2010. – С. 145–146 (0,1 п.л.).
18. Краснова Е.А. Роль сочинительных конструкций в обеспечении кинематографичности текстов рассказов В.М.Шукшина / Е.А.Краснова // «Наука и культура России» : Международная научно-практическая конф. (2011; Самара). VIII Международная научно-практическая конференция «Наука и культура России», 26–27 мая 2011 г. – Самара : СамГУПС, 2011. – С. 122–124 (0,3 п.л.).

Подписано в печать . Формат 60x90 ¹/₁₆ .
Усл. печ. л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказ № .

Отпечатано в...